И.Ф. КОНОНОВ

ДОНБАСС: ЛАБОРАТОРИЯ ВОЙНЫ, МЕСТО СОЦИАЛЬНОЙ КАТАСТРОФЫ

КОНОНОВ Илья Федорович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Луганского национального университета им. Т. Шевченко, Старобельск, Украина (kononov_if@ukr.net).

Аннотация. В статье конфликт в Донбассе рассматривается в контексте эволюции войны. Концепция и практика тринитарной войны была разрушена атомным оружием, национально-освободительным движением, появлением транснациональных террористических сетей и, как ни странно, запретом агрессии международными конвенциями. Войны стали неконвенциональными; большинство из них приобрело характер войн по доверенности, конфликтов низкой интенсивности. Конфликт на Донбассе стал продуктом международных противоречий, результатом геополитической борьбы; население – главная страдающая сторона. Оно воспринимает цель событий с весны 2014 г. как катастрофу, которой никто не ждал. С точки зрения населения, конфликт превратился в коммерческое предприятие элит.

Ключевые слова: война, тринитарная война • конфликт низкой интенсивности • Донбасс • Украина • Россия • США • политика • армия • парамилитарные структуры • мирное население

DOI: 10.31857/S013216250005802-5

Военный конфликт на Донбассе как проблема социологии. Военные действия в Донбассе с весны 2014 г. стали для региона социальной катастрофой, размеры которой еще не осмыслены. Даже количество погибших подсчитано приблизительно. Миссия ООН по правам человека в Киеве на 21 января 2019 г. располагала данными о гибели от 12 800 до 13 000 человек. Из этого числа около 3300 – украинские военные, 5500 воевали на стороне самопровозглашенных «ЛНР» и «ДНР», 4000 были гражданскими лицами¹. Ущерб, нанесенный экономике региона, объективно не подсчитан. Но он сказался на всей стране: в самом начале конфликта официальные лица Украины заявляли о потере 15% национального ВВП; война обходится Украине в 6 млн долл. ежедневно [Иванов, 2015: 73–84]. Она и сейчас является очень затратной. По официальным данным, на оборону в 2019 г. запланировано 6% ВВП Украины – примерно 200 млрд гривен².

Донбасс потерял значительное число предприятий, часть переведены в Украину, часть – в Россию. Разделены университеты. В региональном сообществе возникли глубокие линии идеологического размежевания, которые поддерживаются властными структурами и СМИ сторон конфликта. С 2014 г. культивируется язык ненависти.

Целью дальнейшего рассмотрения будет понимание военного конфликта на Донбассе в контексте эволюции войн в современном мире. Особое внимание уделено судьбе мирного населения.

¹ ООН: Жертвами конфликту на Сході України стали майже 13 тисяч людей // Dw. 2019. 21 января. URL: <https://www.dw.com/uk/D1%87-%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D0%B5%D0%B9/a-47172250> (дата обращения: 10.04.2019).

² Сколько Украине стоит война на Донбассе: Порошенко озвучил впечатляющую цифру // 24 часа. 2018. 04 октября. URL: https://24tv.ua/ru/skolko_ukraine_stoit_vojna_na_donbasse_poroshenko_ozvuchil_vpechatljajushhuju_cifru_n1042358 (дата обращения: 10.04.19).

Эволюция войны и ее понимания: от фон Клаузевица до ван Кревельда. Теоретики войны с древнейших времен говорили о ней как о пути обмана, уподобляя ее хамелеону [Сунь-цзы, 2016: 12; Клаузевиц, 1994: 58]. К. фон Клаузевиц, с которого начинается современная теория войны, считал необходимым найти принципы объяснения этого общественного явления: «Война есть столкновение значительных интересов, которое разрешается кровопролитием, и только этим она отличается от других общественных конфликтов. <...> Политика, кроме того, является тем лоном, в котором развивается война; в политике в скрытом виде уже намечены контуры войны, как свойства живых существ в их зародышах» [там же: 147]. Немецкий теоретик описывал так называемые тринитарные войны, базирующиеся на разделении мирного населения, армии и правительства. В их рамках воюют армии, а правительства ставят перед военными политические цели. Приведенная же цитата имеет более широкую перспективу развития.

Несколько обстоятельств подрывали с момента возникновения конструкцию тринитарной войны, ставшую основой международно-правовых норм. *Первое* – национально-освободительные движения – от войн за национальную независимость греков и южных славян. Особое значение национально-освободительная борьба приобрела во второй половине XX в. В связи с этим появился неологизм «мятежевойна». *Вторым* обстоятельством стало появление ядерного оружия и осознание бесперспективности его применения. Особую роль в этом понимании сыграла концепция «ядерной зимы». *Третьим* фактором стало международно-правовое регулирование ведения войны системой конвенций, запрещение агрессивной войны как таковой. *Четвертым* обстоятельством стала дезорганизация международных отношений как результат наложения глобализации, распространения неолиберализма и кризиса мирового капитализма. Наряду с государствами в мировой политике начали участвовать транснациональные корпорации (ТНК) и транснациональные организации (легальные и нелегальные). У. Бек обобщал эти и многие другие изменения в концепции перехода от Первого ко Второму модерну [Бек, 2001: 200]. Немецкий социолог сделал два вывода, относящихся к нашей теме. Первый – «мировая политика превратилась во внутреннюю мировую политику, которая лишает национальную политику грани и основ» [Бек, 2015: 311]. Второй он формулировал осторожно: «Нельзя больше исключать, что мы переползли в эпоху “вечного мира”, который уже трудно отделить от “вечной войны”, и, следовательно, установился “мир”, который хуже войны» [там же: 30]. Первый вывод касается разнообразных «гуманитарных интервенций», второй – терроризма, войн наркоторговцев и т.д. Иллюстрацией неразличимости мира и войны служит борьба с наркоторговлей в Мексике: в 2010 г. в ней было убито более 20 тыс. чел. [Вейнрайт, 2019: 11].

В новых условиях войны существенно изменились. Осведомленный участник данной трансформации Г. Киссинджер пишет, что «когда во время «холодной войны» обе стороны, Вашингтон и Москва, бросали вызов одна другой, то это происходило через прокси-войны» [Киссинджер, 2017: 267]. *Proxy wars* (войны по доверенности, войны чужими руками) возникли под ядерным зонтиком и стали способом обхода конвенций, регулирующих военные конфликты. Чаще всего они разворачиваются в форме, которая в западной терминологии с 1980-х гг. описывалась как «*Low intensity conflicts*» (LICs) – конфликты низкой интенсивности. М. ван Кревельд писал, что не следует обманываться термином, так как эти войны были более кровавыми, чем прочие войны второй половины XX – начала XXI в. Распространению конфликтов низкой интенсивности способствовал тот факт, что их результаты признавались международным сообществом [Кревельд, 2005: 47–48]. Израильский автор, будучи впечатлен успехами национально-освободительных движений и террористических групп, сделал, по нашей оценке, односторонний вывод: «В будущем войны будут вести не армии, а группы, членов которых мы сегодня называем террористами, партизанами, бандитами и грабителями, но которые, несомненно, придумают для себя более приемлемые официальные титулы» [Кревельд, 2005: 295].

Донбасская лаборатория войны: выводы. Военный конфликт в Донбассе, разворачиваясь как конфликт низкой интенсивности, более пяти лет выступает мировой лабораторией войн нового типа. В социологическом сообществе, использующем методологию мир-системного анализа, часто оценивают этот конфликт как «...экспортированное на периферию напряжение между группами стран ядра, <...> как экстернализацию напряжения между фракциями элит ядра, нацеленными на разные режимы контроля центрально-европейской периферии» [Polska jako, 2016: 136]. Соглашаясь с этой оценкой, можно сделать некоторые дополнения, не прибегая в силу ограниченного объема статьи к системе аргументов.

1. Этот конфликт имеет сложную и многоуровневую конфигурацию участников, главными из которых остаются государства. Некоторые из них открыто проявляют свое участие в конфликте, некоторые нет. Ядро конфликта – отношения России и Украины. Это – асимметричные отношения. Действия РФ подпадают в данном конфликте под определение агрессии. Однако ее участие в конфликте имеет характер криптовойны (официально категорически отрицается). Но на территории России велась подготовка антиукраинских групп, которые стали затем воинскими частями ЛНР и ДНР. Массовые беспорядки в городах Донбасса переросли в военные действия с появлением группировок, руководимых И. Гиркиным и И. Безлером (граждане РФ, Безлер имел вид на жительство в Украине). Особое значение имел захват г. Славянска группой Гиркина. Российские подразделения непосредственно участвовали в кровавых эпизодах этого конфликта (бои за Луганск, Донецк, Иловайск, Дебальцево). Непризнанные «республики» Донбасса с момента возникновения имели российских кураторов (вспомним А. Бородая). ЛНР и ДНР как участники конфликта являются квазигосударственными, сателлитарными по отношению к РФ образованиями. На начальном этапе войны с украинской стороны участвовали добровольческие батальоны, слабо подчинявшиеся центральному командованию. Это, скажем так, первый слой участников. Выше него находятся участники, играющие за «великой шахматной доской» геополитики. Геополитические игроки борются за геополитические центры. З. Бжезинский определил Украину в качестве одного из них: «Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей» [Бжезинский, 2014: 62]. «...если Россию бросить на произвол судьбы и силой не включить в более широкую программу демократических преобразований, она снова станет источником напряжения и будет угрожать безопасности своих соседей» [Бжезинский, 2012: 116]. Это отражало нарастание недоверия между элитными группами США и РФ. Правда, З. Бжезинский отдавал предпочтение комбинации, когда Россия была бы вовлечена в западную коалицию, могущую оказывать сдерживающее влияние на Китай [там же: 122]. Украинская ставка в геополитическом противостоянии США и РФ актуализировалась борьбой в Сирии. Проиграв России там, США использовали Украину для ответного хода. Видимо, существуют и негосударственные акторы транснационального уровня, заинтересованные в этом конфликте. Кто-то же собрал и организовал разрозненные и маргинальные группы крайне правых в Украине, ударный кулак борьбы с режимом В. Януковича.

2. Анализируемый конфликт является борьбой элитных групп, которые через сателлитарные образования могут воевать, используя государственные структуры и ресурсы, формально не объявляя войну. В этом смысле подобные военные конфликты являются продуктом неопатримониализма, временного присвоения государственных институтов элитными группами, распоряжающимися ими далее по своему усмотрению [Фисун, 2006]. Поведение в этом конфликте украинских элит демонстрирует, что территориальная целостность страны утратила значение категорического императива. Значительно важнее занять выгодное место в мировых потоках распределения власти и собственности. Территории, на которых проживает невыгодный электорат, можно репрессировать руками противника. Элитные группы реализуют в войнах цели, которые в долговременной

перспективе могут существенно расходиться с интересами их государств. Исходя из подобных интересов, военный конфликт наносит и России, и Украине долговременный вред. Есть основания считать, что руководство РФ совершило цепь стратегических ошибок, ввязавшись в него. Руководство Украины с 2014 г., видимо, осознанно превратило страну в средство реализации чужих интересов.

3. Чтобы регион какой-то страны превратился в театр военных действий в ходе конфликта низкой интенсивности, внутри нее должны обозначиться существенные внутренние расколы. Украинский политический класс сформировался как конгломерат групп, имеющих региональную привязку. Политическое пространство страны структурировалось отношениями между их патронами. Социально-политическая модель Украины, существенно сходная с российской, предполагает использование центральных государственных органов для монополизации экономических ресурсов клиентельной группой, которая побеждает в ходе выборов. Поэтому борьба в ходе выборов президента или депутатов Верховной Рады приобретает ожесточенный характер. Политический процесс циклически прерывается нелегитимной сменой власти. Партийная система Украины сформировалась с привязкой к региональным особенностям страны. Мобилизация электората клиентельными группами происходит через усиление региональных культурных особенностей. Усилиями элитных групп страна постоянно растягивается между региональными полюсами – Донбасс и Галичина. В этой борьбе разные фракции правящего класса обращаются к разным зарубежным центрам силы за поддержкой, усиливая уязвимость Украины. Региональная гетерогенность страны создает для них благоприятные условия.

4. Материал для боевых отрядов в ходе конфликтов низкой интенсивности борющиеся группы находят в прекариате – людской агрегации с нечеткими границами, которая возникла в результате неолиберальной политики перекладывания буржуазией ответственности на людей наемного труда в рамках гибкой занятости. «В отличие от пролетариата он не имеет никаких отношений общественного договора, обеспечивающего гарантии труда в обмен на субординацию и определенную лояльность – неписанное правило, лежащее в основе социального государства» [Стэндинг, 2014: 23]. Людей, чья занятость всегда временная, объединяет чувство неуверенности в будущем. Из этого резервуара рекрутируются члены неправительственных организаций охранительной проправительственной и протестной направленности. Неправительственные организации могут трансформироваться в отряды будущей войны. В Украине так было с некоторыми протестными группами на Майдане. Из этой же среды вербуются и международные наемники, которые привлекаются всеми сторонами противостояния. Представители прекариата смешивались с уголовными элементами [Чаплик, 2017].

5. Подобные конфликты окутываются идеологической оболочкой, создающей симулякры, не имеющие ничего общего с реальностью. Так, в Украине войну объясняют цивилизационным выбором, а Россию изображают вечным врагом, злокозненным и коварным по причине иной цивилизационной принадлежности. Конфликт изображается народным, не элитным. И. Рущенко считает, что народу России присущи тиранофилия, либертофобия, вестернофобия и агрессивный нарциссизм. Поэтому он прогнозирует, что, «опасность с Востока, очевидно, не исчезнет даже после переформатирования кремлевского руководства, что произойдет рано или поздно, хотя бы и в соответствии с известным биологическим законом» [Рущенко, 2018: 82]. Откровенно украинофобские тексты публикуются в России [Дугин, 2015]. Правда, в научных сообществах наших стран подобные тексты являются маргинальными. Элитные группы подобной работой решают многочисленные задачи: укрепляют границы своего доминирования, повышают рейтинги, сегментируют общество для лучшего управления в кризисных условиях, расчеловечивают противника ради превращения людей в мотивированных солдат и т.д. Успешны такие действия, когда им соответствуют установки массового сознания. В Украине, скажем, фиксируется развитие антироссийскости как психологической установки на негативное восприятие России. Наибольшее распространение она получила на Западе Украины.

На Востоке страны это явление тоже присутствует, но демонстрирует большие показатели стандартного отклонения [Дроздов, 2016: 386].

6. По опыту Донбасса конфликты низкой интенсивности достаточно быстро эволюционируют в коммерческие предприятия. С одной стороны, контрактники с обеих сторон мотивируются заработком. С другой, линию соприкосновения пронизывают криминальные практики – контрабанда, коррупция в кабинетах и на блокпостах, наркотрафик. К. Клаузевиц писал: «Война представляет до известной степени пульсацию насилия, более или менее бурную, а, следовательно, более или менее быстро разрешающую напряжение и истощающую силы» [Клаузевиц, 1994: 55]. В конфликтах низкой интенсивности насилие тоже присутствует, но со временем его пульсация приводит к человеческим жертвам, сопоставимым с жертвами ДТП или с гибелью горняков в результате аварий. Украинские авторы пишут: «Исследования изменчивости среднего суточного количества боевых потерь с использованием методологии точечного отражения по функции Пуанкаре демонстрируют наличие определенного тренда к уменьшению вплоть до области аттракции процесса к уровню показателей общего количества потерь ранеными и убитыми до 1 человека в сутки» [Колосов и др., 2018: 186]. Параллельно со стабилизацией ситуации с насилием растет коммерческий характер конфликта.

7. В конфликтах низкой интенсивности исход борьбы не решается в массовых боях. Последние вообще случаются редко. Преимущественно стороны перестреливаются, используя стрелковое оружие и артиллерию. В городской среде такой способ ведения военных действий является причиной гибели мирного населения.

8. Главной страдающей стороной оказывается мирное население, место обитания которого превратилось в театр военных действий. Об этом уже писала М. Калдор, анализируя опыт боснийской войны [Калдор, 2015]. К тому же, что подтверждает и опыт Донбасса, большинство населения стараются отстраниться от войны. Местные жители не спешат вливаться в ряды военных формирований, показывая, что они не считают эту войну своей; мощной составляющей частью становится информационная борьба, преимущественно нацеленная на сознание мирных граждан. Это обусловлено тем, что восприятие войны населением влияет на сам ее исход. Учитывая сказанное, постараемся рассмотреть восприятие военного конфликта на Донбассе его жителями.

Методология получения качественной первичной информации в зоне военного конфликта. В Донбассе социологические опросы прекращались только в период интенсивных боевых действий, да и то в местах, где они непосредственно шли. Однако социологи столкнулись с резким изменением ситуации получения первичной информации и, как следствие, с большим разнобоем результатов. Идеологически мотивированные исследователи поспешили объявить, что донбасская региональная общность распалась. На самом деле, видимо, сказалось недоверие респондентов, их боязнь негативных последствий участия в опросах. К тому же, массовое перемещение населения затрудняло формирование выборочных совокупностей.

Кафедра философии и социологии Луганского национального университета им. Т. Шевченко, работая с августа 2014 г. в эвакуации в Старобельске, в 2016–2018 гг. реализовывала исследовательский проект «Массовое сознание в зоне военного конфликта на Донбассе»³. Мы изложим результаты, полученные с использованием фокусированных групповых интервью (ФГИ), – проведено четыре (одно еще в 2015 г. до официального начала исследования), и индивидуальные биографические интервью (БИ) – опрошено восемь информантов. Квантифицированные результаты опубликованы в монографии [Масова свідомість, 2018: 57–67]. Представляется особо важным донести до российского читателя голоса жителей Донбасса. В первую очередь информанты говорят о 2014 годе, который оставил глубокий травматический след в массовом сознании региональной общности.

³ Финансировалось грантом Министерства образования и науки Украины, № 0116U004150.

Исследовательское поле проекта формировалось на пересечении ряда направлений социологического теоретизирования. Во-первых, – военная социология как специальная социологическая дисциплина, изучающая военно-социальные отношения и процессы [Образцов, 2014: 142]. Во-вторых, теория массового сознания. В-третьих, лингвосоциология (см.: [Лю Цзюань, 2018]) и семиотика [Полулях, 2016]. Четвертым компонентом была социология регионов – поиск желаемого будущего региона, Украины, отношений между Украиной и Россией. В нашем случае это особо важно. Несмотря на остроту вопроса, на настоящий момент мы располагаем единичными работами, посвященными перспективам отношений Украины и России после завершения военного конфликта [Куделя, 2018].

Если пользоваться терминологией И.В. Троцук, анализ качественных данных будет осуществляться с использованием «нисходящей» модели дискурсивных исследований: «в “нисходящей” модели используются разные эмпирические данные; к ним не предъявляются требования репрезентативности, потому что решается задача обнаружения конкретного типа дискурса» [Троцук, 2017: 16]. Фрагменты интервью даются курсивом с минимальными правками. Указывается имя информанта, возраст, год проведения ФГИ или БИ, место их проведения. Интервью дополнены опубликованными материалами исследователей и наблюдателей, которых автор знает лично.

Существовала известная сложность транскрибирования интервью – результат взаимного проникновения русского и украинского языков в Донбассе. Образованные люди, говоря на литературном русском языке, вставляют в речь длинные фрагменты на литературном украинском языке. У говорящих на литературном украинском языке наблюдается подобное относительно использование русского языка. Информанты с низким уровнем образования часто объединяют оба языка, говоря на том наречии, которое у нас называют «суржиком». Если речь или речевая вставка может быть идентифицирована как украиноязычная, она передана украинским алфавитом, а в примечании дан перевод.

Война глазами мирных жителей Донбасса. Выделим основные нарративные конструкции и проиллюстрируем их цитатами.

Ужас катастрофы. События 2014 г. в Донбассе разворачивались от беспорядков к открытому насилию, к массированным неприцельным ударам артиллерийских систем по городам. Население это воспринимало как раскрывшуюся каверну ужаса, которого никто не ожидал. *«Видела мальчика с оторванной рукой. На Мирном⁴ переходил пешеходный переход и попал рядом снаряд. Он погиб от большой потери крови»* (Виктория, 35 лет, парикмахер, ФГИ, Старобельск, 2017 г.). Из интервью жителя г. Первомайск: *«Дома горели. Там все пятиэтажные. Попадает снаряд, и квартиры загорались, потому что город находится внизу, а они стреляли с Михайловского бугра. Сверху танки и гаубицы стояли»* (Александр, рабочий, 47 лет, БИ, Старобельск, 2016 г.). *«Мирных жителей погибло очень много. И хоронили даже так: из квартиры вынесли, возле подъезда закопали»* (Александр, рабочий, 47 лет, БИ, Старобельск, 2016 г.). Вспоминает луганчанка: *«Между детскими садами упал снаряд. Страшное зрелище. Я уже пила антидепрессанты. Я спокойно реагировала на все. Я просто стояла и смотрела. Между детскими садами проходил подросток. Что было с этим подростком потом, неизвестно, потому что приехала скорая помощь, и на носилках его загрузили в машину и повезли. <...> Это было очень, очень страшно»* (Татьяна, 64 года, социальный работник, БИ, пос. Новопсков, 2017 г.). Следующий информант – инженер-изобретатель: *«Чеченцы там стояли, которые в начале июня приехали из Ростова. Там два Камаза чеченских артиллеристов. Они пару недель ходили по городу, снимали, засечки брали, координаты снимали на планшеты, обрабатывали эту информацию под руководством российских офицеров. <...> Они же координацию производили и стрельбой систем залпового огня, то есть с одного конца города выстрелы шли на другой. У меня приёмник сканирующий был. Я слушал их разговоры, как они цели устанавливали, куда корректировку давали и так далее»* (Эдуард, инженер, 47 лет, БИ, Киев, 2018 г.). *«Был случай, когда мы*

⁴Квартал в Луганске. – Прим. И.К.

с мужем ехали в автобусе, который проезжал перекрёсток, где “Макдональдс”. И туда в тот момент попала мина, и нас в тот момент спас водитель. ... Я сидела за водителем и видела всё впереди, а муж сидел позади и смотрел в окно. Он увидел, что в том месте, где собирались проходить люди, все они были мертвы. Я же увидела, что сыплются листья и падают люди.... Мы могли погибнуть под родными осколками – не под чужими. В тот момент правда тебя не радует, даже если ты отличаешь её от лжи. В таком состоянии есть только одна правда: та, что касается твоего выживания» [Еременко, 2018: 43]. А вот наблюдательница оказалась отрезанной на дачном массиве к северу от Луганска и 17.08.2014 г. записала в дневнике: «В нашем лесу, на Черной дороге, где самые грибные места, третий день стоят “грады” Нацгвардии и целыми сутками почти без перерыва стреляют по Луганску. В той стороне – сплошной гром, взрывы, дым от пожаров, вечером – огромное зарево, в которое по ночному небу добавляют “огня” – летят и летят снаряды» [Черкас, 2018: 167]. Этот же наблюдатель записывает рассказ коллеги: «Через дорогу, на остановке как раз собрались люди к автобусу на эвакуацию, а тут – взрыв посреди Оборонной⁵, на трамвайных путях. <...> Мы мгновенно упали на землю. Лежали, парализованные страхом, закрыв голову руками, и слышали душераздирающие нечеловеческие крики. Когда подняли головы, там, где была толпа, увидели обезумевшую, страшно кричащую женщину, охватившую голову руками, а на соседней скамейке мужчину с кишками на асфальте и вылетевшей из спины почкой» (Черкас, 2018: 158).

Выживание. Разразилась гуманитарная катастрофа. Мирное население пряталось в подвалах, если повезло, в бомбоубежищах. Оно страдало от отсутствия элементарных условий для человеческой жизни: чистой воды (иногда просто воды), электричества, связи. Рассказы жителей Луганска или Первомайска идентичны: «Мы находились в подвальном помещении, где было безопасное место от обстрелов. Отключили, почти сразу отключили газ. <...> (Задумывается) Нет, сначала вода была отключена, потом газ был отключен, а потом электроэнергия. То есть мы находились без каких-либо жизненно необходимых средств. Питание готовили на костре, между обстрелами успевали развести костер. По воду ходили в какие-то лужи, так называемые. Грязные, с листьями, с травой, с умершими животными. Потому что пить хотелось, а воды не было. Ну, а электричества не было, телефоны заряжать мы не могли» (Светлана, бухгалтер, 45 лет, БИ, Старобельск, 2016 г.). Ко всем бедам добавилось мародерство. «Ну, четырнадцатый год – это были в основном грабежи. То есть зашла орда, которая плохо контролируемая. <...> Это большое количество наемников, бандитов, преступников, асоциальных элементов и так далее. Все это было ужасно. Потом, где-то осенью четырнадцатого зашли регулярные россияне, регулярная армия. Они стали потихоньку отлавливать этих бандитов, которых перед этим же завозили этими колоннами. И под конец пятнадцатого года в основном эту всю маргинальную массовку они сами же и переловили» (Эдуард, инженер, 47 лет, БИ, Киев, 2018 г.).

Беженцы в своей стране. Нарративы беженства повторяются. «В 6 часов утра приехали не на автовокзал, а приехали в центр города, где там была людей тьма. Чтобы уехать в Старобельском направлении» (Елена, линотипист, 65 лет, БИ, Старобельск, 2017 г.). «Под пулями, под обстрелами сели в машину и выехали навстречу линии фронта. С белым флагом. <...> И все было, слава Богу, благополучно. Нет, нас останавливали на блокпостах и так называемой ЛНРовской республики, и украинская армия нас останавливала. Проверляли документы, проверяли вещи в багажнике. Но все было достаточно хорошо и спокойно, проверка документов и вещей. И было сказано “счастливой дороги”, и ехали дальше. Нет, агрессии не было, только было очень страшно ехать, потому что вокруг было все разбито» (Светлана, бухгалтер, 45 лет, БИ, Старобельск, 2016 г.).

Беженцев встречали по-разному, и они попадали в разные условия. Наверное, большая солидарность была в рядах интеллигенции. Преподаватель университета добрался до Киева: «Потом друзья начали звонить мне, говорят: “Ми вас вітаємо, слава Богу що ви

⁵Одна из центральных улиц Луганска.

живий! Ми тут навіть ось там у кафешці сьогодні заради вашого приїзду. Приходьте!» Я кажу: «Хлопці, у мене навіть штанів немає, бо я вже так». «Та ми вже купимо вам штани»⁶ (Виктор, преподаватель, 64 года, ФГИ, г. Старобельск, 2015 г.). Луганчанка рассказывает о помощи москвичей: «Начиналась осень, и дети сделали рассылку своим знакомым, что у нас беженцы. И большого размера. И нужна одежда. И все друзья и знакомые, все откликнулись. Нам привезли одежды всякой. Теплой, легкой. Всевозможной. Мы были одеты полностью. <...> А одна из знакомых позвонила и сказала невестке: “У меня нет одежды теплой. У меня есть кабачок. Вырос кабачок”. Слышу, она говорит ей: “Вези кабачок”. Думаю, что ж за кабачок? Привезла. Привезла кабачок с полметра длины. Привезла ведро картошки, ведро яблок и чего-то, я не помню, но, в общем, овощей. И сказала: “Вот! Забирай. Тебе ж их чем-то кормить надо”» (Татьяна, 64 года, социальный работник, БИ, пос. Новопсков, 2017 г.). Большинство встретилось с другой реальностью: «В принципе, людей много, жилье нереально было снять. Приняли решение вернуться в Луганск, деваться было некуда» (Валерий, преподаватель, 55 лет, ФГИ, Старобельск, 2015 г.).

Самой большой проблемой для беженцев стала оплата арендованного жилья, на которое цены сразу поползли вверх. «С трудом сняла на три дня на окраине давно не жилой домик без удобств. Договорились о цене – как за номер в гостинице, куда нас с собакой не пустят. Как только до хозяйки дошло, что я беженка – повысила оплату в два раза! Сволочь» [Черкас, 2018: 186]. Иногда в чудовищных формах проявлялось хамство по отношению к жителям Донбасса: «На автостанции в Купянске пассажиры Ноева ковчега пытались купить пирожки в ларьке, но продавец “ни о чем” говорила по телефону, не обращая внимания на очередь. Я просила давать деньги под расчет, объясняла, что мы беженцы и голодны. “Чтоб вы все сдохли!” – “с чувством” захлопнула окошко перед лицом» [Черкас, 2018: 186].

Людей, оставивших свои дома, раздражают определения их статуса «переселенцев», «временно перемещенных лиц»: «Мы – временно перемещенные лица. Хотя, по сути, мы действительно беженцы, потому что мы бежали от войны» (Николай, 37 лет, преподаватель, ФГИ, Старобельск, 2015 г.).

Вооруженные и безоружные. Война жестко делит людей по уровню прав. В конфликтах низкой интенсивности, где смешиваются военная и криминальная деятельность, это особенно болезненно. «Айдаровцы творили черное. Мои родители боялись выпускать меня из дома, потому что в Подгоровке они очень сильно пили и дебоширили, и стреляли в кого попало. Слышала, что в Старобельске айдаровцы изнасиловали девочку, а потом в Подгоровке была попытка изнасилования. <...> Отбирали машины. Обычные машины не брали, искали только иномарки» (Дарья, 19 лет, студентка, ФГИ, Старобельск, 2017 г.). Обоснованность подобных опасений подтверждает бывший боец батальона «Айдар» И.Е. Орел: «Еще позже привезли местную сепаратистку, которую начали допрашивать. Её не били, но угрожали. И она раскололась. <...> Связанный пьяница оказался героем Майдана и офицером. Он попросил развязать руки и давал слово офицера, что не убежит. Когда сепаратистку закрыли, он изъявил желание её трахнуть. Комендант запретил ему. Но когда тот ушел, герой Майдана таки проник в вентиляторную и осуществил своё намерение» [Орел, 2016: 46].

Между населением и вооруженными людьми возникает недоверие. Люди с оружием тоже испытывают страх перед местным населением. «Краматорськ тоже. Був один раз. Приїхали, проїзжали через місто. Деякі люди улибаються, а деякі щось там кричать, но ти чуєш все одно. Деякі, їде машина, і кидають цілий блок сигарет. Ти не знаєш, що в тому блоці. Я сапер, я знаю, що туди можна всьо, що хочеш, запихнути. <...> Попугалися, але то оказались сигарети. Було таке, що в тому самому Краматорське, я був з певним підрозділом.

⁶ «Мы вас приветствуем, слава Богу, что вы живой! Мы здесь даже в кафешке сегодня ради вашего приезда. Приходите!» Я говорю: «Ребята, у меня даже штанов нет, я уж так». «Да мы уж купим вам штаны».

Я рахую, що кожна людина заслуговує, щоб її нормально поховали»⁷ (Кирилл, 31 год, активист, ФГИ, Ивано-Франковск, 2017 г.).

Из зоны конфликта оружие и наркотики расползаются по стране. «Ми стояли, він показався нам підозрительним, ми попросили його вийти з машини. Він вийшов, ми попросили открыть там багажник. В багажнику, єстественно, ми нашли там гранати. Віз додому. Там наркотіческі вешества...» (Евгений, 24 года, полицейский, БИ, Новопсков, 2017 г.). Луганская реальность: «А еще сосед вышел, как обычно покурить на балкон, что не понравилось ополченцам. В ответ на их требование курить в квартире, он ответил, что уже тридцать лет здесь курит. Те выстрелили в его сторону – слава Богу, промахнулись» [Черкас, 2018: 166]. Один из респондентов по патриотическим соображениям в Луганске собирал информацию для украинской армии, вел блог, где рассказывал о жизни в городе. Он был арестован и посажен, как с 2014 г. стали выражаться в Луганске, «на подвал» – тюрьма в здании, которое когда-то занимало управление КГБ, а затем СБУ. «Ни окон, ни вентиляции! Ничего нет. Одна – единственная металлическая дверь в каждой камере и дырка для подачи еды. Все перемещения по территории МГБ проходят: сперва руки высовываешь в эту дырку, одевают наручники, потом дверь открывают, мешок на голову и все перемещения с мешком на голове и с наручниками за спиной застегнутыми. <...> Регулярно меня и допрашивали. Поначалу и побили там, попытали. И кулаками, и палками, и книгами там по голове. По-разному было. У меня после этого микроинсульт был, рука отнялась правая. Вот. Четыре месяца не работала» (Эдуард, инженер, 47 лет, БИ, Киев, 2018 г.).

Предательство и коварство. Жители Донбасса с начала конфликта постоянно испытывали когнитивный диссонанс, особенно резкий с захватом здания СБУ в Луганске 6 апреля 2014 г. А. Еременко опубликовал свидетельство украинской активистки: «Я не ожидала этого захвата по одной простой причине. Накануне у меня была информация о готовящемся захвате здания. Она была предоставлена в полном объеме СБУ. <...> При захвате оружейной комнаты под видом, будем так говорить, активистов пророссийской стороны туда зашли наши люди. И они были свидетелями того, как Петрулевич⁸ отдал ключи, и они совершенно спокойно открыли ключиками всё и взяли. То есть, здесь была трусость, мерзость, предательство» [Еременко, 2018: 19]. Ход конфликта вызывал все новые вопросы: «Прилипали к Интернету, прилипали к компьютеру, следили за событиями. Ну и создавалось впечатление там, что вот-вот, вот-вот освободят, хоть иногда мне и тогда казалось, что то, что делали украинские войска под Луганском, это было похоже на вальс-бостон. Они как вальсировали вокруг Луганска <...> И до сих пор у меня вопрос остался: почему мы его в июле прошлого года не взяли?» (Виктор, преподаватель, 64 года, ФГИ, Старобельск, 2015 г.). С того времени распространились оценки войны как коммерческого предприятия. «Интересы у всех, и все на ней зарабатывают» (Сергей, 21 год, студент, ФГИ, Старобельск, 2017 г.).

Выводы. Военный конфликт на Донбассе можно понять только в контексте эволюции войны под «ядерным зонтиком» и в условиях международного запрета агрессии. Он начался и продолжается как война по поручению, но без гарантий. Регион стал инструментом решения геополитических проблем элитными группами стран-непосредственных участниц, основных геополитических игроков центра мировой капиталистической системы. Конфликт показывает, что войны не утратили политической природы. Изменилась только политика в соответствии с неопатримониальной эволюцией государств. Главной страдающей стороной конфликта стали жители региона, которые рассматривают его как реализацию наименее вероятного развития событий. Он для них – цепь травматических событий, радикально изменивших повседневность.

⁷ «Краматорск тоже. Был один раз. Приехали, проехали через город. Некоторые люди улыбаются, а некоторые что-то там кричат, но ты слышишь все одно. Некоторые, едет машина, и бросают целый блок сигарет. Я – сапер, я знаю, что туда можно всё, что хочешь, захихнуть. <...> Испугались, но то оказались сигареты. Было такое, что в том самом Краматорске, я был с определенным подразделением. Я считаю, что каждый человек заслуживает, чтобы его нормально похоронили.»

⁸ А.Н. Петрулевич, генерал-майор СБУ, в тот момент начальник управления СБУ в Луганской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Пер. с нем.; Общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Бек У. Влада і контрвлада у добу глобалізації. Нова світова політична економія / Пер. з нім. 2-е видання. К.: Ніка – Центр, 2015.
- Бжезинський З. Стратегічне бачення: Америка і криза глобальної влади / Пер. з англ. Г. Лелів. Львів: Літопис, 2012.
- Бжезинський З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы / Пер. с англ. М.: АСТ, 2014.
- Венрайт Т. Наркономіка. Як працює економіка картелів / Пер. з англ. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2019.
- Дроздов О.Ю. Основи психології масової геополітичної свідомості: монографія. Чернігів: Десна Поліграф, 2016.
- Дугин А.Г. Украина: моя война. Геополитический дневник. М.: Центрполиграф, 2015.
- Ерёмченко А.М. Историческое событие глазами участников и наблюдателей: Луганск весной–летом 2014. Beau Bassin (Mauritius): LAP, 2018.
- Іванов С.В. Вплив збройного конфлікту (війни, бойових дій) на вартість підприємства: Моногр. Дніпропетровськ: Вид-во Маковецький, 2015.
- Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / Пер. с англ. М.: Ин-т Гайдара, 2015.
- Кіссінджер Г. Світовий порядок. Роздуми про характер націй в історичному контексті / Пер. з англ. Н. Коваль. К.: Наш формат, 2017.
- Клаузевиц К. фон. О войне / Пер. с нем. М.: Логос; Наука, 1994.
- Колосов А.М., Цибулько О.С. Оцінка стану гостроти збройного протистояння в Донбасі з міркувань достатності умов для прийняття політичних рішень // Економічний вісник Донбасу. 2018. № 1. С. 180–186.
- Кревельд М. ван. Трансформация войны / Пер. с англ. М.: ИРИСЭН; Альпина Бизнес Букс, 2005.
- Куделя С. После размежевания. Как достичь российско-украинского согласия? // Россия в глобальной политике. 2018. Т. 16. № 2–3. С. 76–89.
- Лю Цзюань. О лингвистическом повороте в социологии // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 115–123.
- Масова свідомість у зоні воєнного конфлікту на Донбасі: монографія / За ред. І.Ф. Кононова. Старобільськ: ДЗ Луганськ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка; Вінниця: Твори, 2018.
- Образцов И.В. Процесс институционализации военной социологии в России // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 135–145.
- Орел І.Є. Хроніка одного батальйону. Харків: Права Людини; Фоліо, 2016.
- Полулях Ю.Ю. Мемплекси окупованої реальності // Вісник Луганського національного університету ім. Т. Шевченка. Соціологічні науки. 2016. № 5(302). С. 163–192.
- Рущенко І.П. Російське суспільство: факти масової свідомості // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Серія Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи. 2018. Випуск 40. С. 76–83.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Пер. с англ. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
- Сунь-цзы. Искусство войны / Пер. с кит. Харьков: Фолио, 2016.
- Троцук І.В. О метатеоретизировании в области анализа текстовых данных // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 12–21.
- Фисун А.А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков: Константа, 2006.
- Чаплик М.М. Роль криміналу у гібридній війні // Українське суспільство в умовах війни: виклики сьогодення та перспективи миротворення: матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції, Маріуполь, 9 червня 2017. Маріуполь: ДонДУУ, 2017. С. 77–81.
- Черкас Н. Луганское лето – 2014: дневник очевидца // Криминологические исследования. Сб. научн. тр. Вып. 10. Северодонецк, 2018. С. 123–187.
- Polska jako peryferie / Red. T. Zarycki. Warszawa: Naukowe SCHOLAR, 2016.

Статья поступила: 12.04.19. Принята к публикации: 13.05.19.

DONBASS: LABORATORY OF THE MODERN WAR AND A PLACE OF SOCIAL DISASTER

KONONOV I.F.

Luhansk Taras Shevchenko National University, Ukraine

Illia F. KONONOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Luhansk Taras Shevchenko National University, Starobilsk, Ukraine (kononov_if@ukr.net).

Abstract. The article discusses military conflict in the Donbass in the context of evolution of war. The concept and practice of the Trinitarian war was destroyed by atomic weapons, national liberation movements, emergence of transnational terrorist networks and, strange as it may seem, a ban on aggression by a system of international conventions. Wars have become unconventional and most of them have acquired the character of proxy wars, which proceed as low-intensity conflicts. Conflict in the Donbas was a product of international contradictions, of the geopolitical struggle of the Russian Federation and the United States. Residents of the region are the suffering side. The population perceives the chain of events since the spring of 2014 as a catastrophe that no one expected. From the point of view of population, the conflict has become a commercial enterprise for elite groups.

Keywords: war, trinitarian war, low intensity conflict, Donbass, Ukraine, Russia, USA, politics, army, paramilitary structures, civilians.

REFERENCES

- Beck W. (2001) *What is Globalization? The Mistakes of Globalism are the Answers to Globalization*. Afterword by A. Filippov. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)
- Beck U. (2015) *Power and Counter-Power on the era of Globalization*. *New World Political Economy*. 2nd ed. Kiev: Nika-Tsentr. (In Ukr.)
- Brzezinski Z. (2012) *Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power*. Lviv: Litopis. (In Ukr.)
- Brzezinski Z. (2014) *Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. Moscow: AST (In Russ.)
- Clausewitz K. von. (1994) *About War*. Transl. from Germ. Moscow: Logos; Nauka. (In Russ.)
- Chaplik M.M. (2017) The Role of the Crime in the Hybrid War. In: *Ukrainian Society in the War: Challenges of the Present and Prospects of Peacemaking: Materials of the All-Ukrainian Scientific and Practical Conference, Mariupol, June 9, 2017*. Mariupol: DonDUU: 77–81. (In Ukr.)
- Cherkas N. (2018) Lugansk Summer – 2014: Diary of an Eyewitness. *Kriminologicheskie issledovaniya* [Criminological Research]. Iss. 10: 123–187. (In Russ.)
- Creveld M. van. (2005) *The Transformation of War*. Transl. from Eng. Moscow: IRISEHN; Al'pina Biznes Buks. (In Russ.)
- Drozdov O.Yu. (2016) *Fundamentals of Psychology of the Mass Geopolitical Consciousness*: Monogr. Chernigiv: Desna Poligraf. (In Ukr.)
- Dugin A.G. (2015) *Ukraine: My War*. *Geopolitical Diary*. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.)
- Eremenko A.M. (2018) *Historical Event through the Eyes of Participants and Observers: Lugansk in Spring–Summer, 2014*. Beau Bassin (Mauritius): LAP. (In Russ.)
- Fisun A.A. (2006) *Democracy, Neopatrimonialism and Global Transformations*. Kharkov: Constanta. (In Russ.)
- Ivanov S.V. (2015) *Influence of Armed Conflict (War, Fighting) on the Value of Theenterprise*: Monogr. Dnipropetrovsk: Makovetsky. (In Ukr.)
- Kaldor M. (2015) *New and Old Wars Organised Violence in a Global Era*. Trans. from Engl. M.: In-t Gaydara. (In Russ.)
- Kissinger H. (2017) *World Order. Reflection on the Character of Nations and the Course in History*. Kyiv: Nash Format. (In Ukr.)
- Kolosov A.M., Tsybulko O.S. (2018) Estimation of the State of Acuteness of Armed Confrontation in the Donbass on the Grounds of the Sufficiency of Conditions for Making Political Decisions. *Ekonomichny visnyk Donbasu* [Economic Bulletin of Donbass]. No. 1: 180–186. (In Ukr.)
- Kudelya S. (2018) After Delimitation. How to Reach Russian-Ukrainian Agreement? *Rossia v globalnoi politike* [Russia in Global Politics]. Vol. 16. No. 2-3: 76–89. (In Russ.)
- Liu Juan. (2018) On the Linguistic Turn in Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 115–123. (In Russ.)
- Mass Consciousness in the Zone of Military Conflict in the Donbass*: monogr. (2018) Ed. by I.F. Kononov. Starobilsk: DZ Lugansk. nats. un-t im. T. Shevchenka; Vinnitsa: Tvory (In Ukr.)

- Obraztsov I.V. (2014) The Process of Institutionalization of Military Sociology in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 7: 135–145. (In Russ.)
- Orel I.E. (2016) *Chronicle of one Battalion*. Kharkiv: Prava Lyudini; Folio. (In Ukr.)
- Poland as a Periphery*. (2016) Ed. T. Zarycki. Warsaw: Naukowe SCHOLAR. (In Pol.)
- Poluluki Yu.Y. (2016) The Memplex of the Occupied Reality. *Visnik Lugans'kogo natsional'nogo universitetu im. T. Shevchenka. Sotsiologichni nauki* [Herald of the Taras Shevchenko National University of Lugansk. Sociological Sciences]. No. 5(302): 163–192. (In Ukr.)
- Ruschenko I.P. (2018) Russian Society: Facts of Mass Consciousness. *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu im. V.N. Karazina. Seriya Sotsiologichni doslidzhennya suchasnogo suspil'stva: metodologiya, teoriya, metodi* [Bulletin of the V.N. Karazin Kharkiv National University. Series Sociological Research of Modern Society: Methodology, Theory, Methods]. Iss. 40: 76–83. (In Ukr.)
- Standing G. (2014) *Prekariat: a New Dangerous Class*. Transl. from Eng. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Sun Tzu (2016) *War Craft*. Transl. from Chinese. Kharkov: Folio. (In Russ.)
- Trotsuk I.V. (2017) On Metatoreticalization in the Field of Text Data Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 12–21. (In Russ.)
- Wainwright T. (2019) *Narconomics. How to Run a Drug Cartel*. Trans. from Eng. Kharkiv: Klub simeynoho dozvillya. (In Ukr.)

Received: 12.04.19. Accepted: 13.05.19.